

МИХАИЛ БУЛГАКОВ И ЕГО РОМАН «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Михаил Булгаков родился 3 мая 1891 года в Киеве в семье профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и его жены Варвары Михайловны (в девичестве — Покровской).

В 1909 году Булгаков закончил киевскую Первую гимназию и поступил на медицинский факультет Киевского университета. 31 октября 1916 года — получил диплом об утверждении «в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными».

*Михаил
Булгаков*

*Елена
Булгакова*

Камень на могиле Булгакова

После начала Первой мировой войны Булгаков несколько месяцев работает врачом в прифронтовой зоне. Затем направляется на работу в село Никольское Смоленской губернии, после этого работает врачом в Вязьме.

С 1917 года он начинает употреблять морфий, сначала с целью облегчить аллергические реакции на антидифтерийный препарат, который принял, опасаясь дифтерии после проведенной операции. Затем прием морфия становится регулярным.

Весной 1918 года Булгаков возвращается в Киев, где начинает частную практику как венеролог. В это время он прекращает инъекции морфия, и никогда более к нему не возвращается.

Во время Гражданской войны, в феврале 1919 года, Булгаков мобилизуется как военный врач в армию Украинской Народной Республики. В конце августа 1919 года, по одной из версий, он был мобилизован в качестве военного врача в Красную армию; 14–16 октября вместе с частями Красной армии вернулся в Киев и в ходе уличных боев перешел на сторону Вооруженных сил Юга России и стал военным врачом 3-го Терского казачьего полка.

В том же году успеваеt поработать врачом Красного креста, а затем — в белогвардейских Вооружённых Силах Юга России. Некоторое время он с казачьими войсками проводит в Чечне, затем во Владикавказе.

В конце сентября 1921 года Булгаков переезжает в Москву и начинает сотрудничать как фельетонист со различными газетами («Гудок», «Рабочий») и журналами («Медицинский работник», «Россия», «Возрождение»). В это же время он публикует отдельные произведения в газете «Накануне», выпускавшейся в Берлине. С 1922 по 1926 год в «Гудке» напечатано более 120 его репортажей, очерков и фельетонов.

В 1923 году Михаил Булгаков вступает во Всероссийский Союз писателей.

С октября 1926 года во МХАТе с большим успехом идёт пьеса «Дни Турбиных». Её постановка разрешена на год, но позже несколько раз продлевалась, поскольку пьеса понравилась Сталину. Однако в своих выступлениях тот соглашался: «Дни Турбиных» — «антисоветская штука, и Булгаков не наш». Одновременно в советской прессе проходит интенсивная и крайне резкая критика творчества писателя.

В конце октября 1926 года в театре им. Вахтангова с большим успехом проходит премьера спектакля по пьесе Михаила Афанасьевича «Зойкина квартира».

К 1930 году произведения Булгакова перестают печататься, пьесы изымают из репертуара театров. Запрещены к постановке пьесы «Бег», «Зойкина квартира», «Багровый остров», спектакль «Дни Турбиных» снят с репертуара. Булгаков пишет письмо Правительству СССР с просьбой определить его судьбу: либо дать право эмигрировать, либо предоставить возможность работать во МХАТе. Булгакову звонит лично Сталин, который «благословляет» драматурга на второй вариант — МХАТ.

В 1930 году Булгаков работает в качестве режиссера в Центральном театре рабочей молодежи (ТРАМ). С 1930 по 1936 год — во МХАТе в качестве режиссера-ассистента. В 1932 году на сцене МХАТа состоялась постановка Гоголевских «Мертвых душ» по инсценировке Булгакова. Спектакль «Кабала святош» увидел свет в 1936 году, после почти пяти лет репетиций. После семи представлений постановка была запрещена, а в «Правде» опубликована разгромная статья об этой «фальшивой, реакционной и негодной» пьесе.

В январе 1932 года властями вновь разрешена постановка «Дней Турбиных», правда, ни на один театр, кроме МХАТа, это разрешение не распространялось.

В 1936 году, после статьи в «Правде», Булгаков уходит из МХАТа и работает в Большом театре как либреттист и переводчик. В 1937 году Булгаков создает либретто «Минин и Пожарский» и «Петр I».

В 1939 году писатель работает над либретто «Рашель», а также над пьесой о Сталине («Батум»). Пьесу «вождь народов» одобрил лично, но, вопреки ожиданиям писателя, она была запрещена к печатанию и постановке.

Состояние здоровья Михаила Афанасьевича резко ухудшается. Врачи диагностируют у него тяжелое заболевание почек — гипертонический нефросклероз. Писатель начинает диктовать жене последние варианты романа «Мастер и Маргарита».

С февраля 1940 года друзья и родные постоянно дежурят у постели Булгакова. 10 марта 1940 года Михаил Афанасьевич Булгаков скончался. 11 марта состоялась гражданская панихида в здании Союза Советских писателей.

Похоронен Булгаков на Новодевичьем кладбище. На могиле, по ходатайству его жены Е. С. Булгаковой, был установлен камень, прозванный «голгофой», который ранее лежал на могиле Н. В. Гоголя.

Что же касается романа, ныне считающегося главным в творчестве Михаила Афанасьевича, то начало работы над «Мастером и Маргаритой» сам Булгаков датировал 1928—1929 годами. В начальном варианте роман назывался «Копыто инженера», «Жонглер с копытом», «Гастроль», «Черный маг». В 1930 году после запрета одной из его пьес этот вариант рукописи был уничтожен Булгаковым, о чем он сам заявлял в письме правительству.

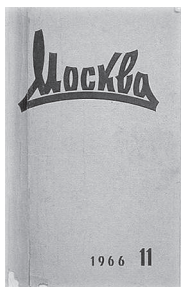
Работа над романом возобновилась в 1931 г. Тогда же появились Маргарита, Мастер и Воландова свита.

Третья редакция была начата в 1936 году и первоначально называлась «Князь тьмы», привычное нам название появилось только в 1937-м, работа над этой версией продолжалась до самой смерти писателя.

Впервые роман увидел свет в журнале «Москва» в 1966 году. Переиздавался при советской власти заметными тиражами он, к сожалению, только дважды — отдельным изданием в 1973 году и в собрании сочинений, в 1990-м.

Роман настолько многозначен и многослоен, что полные комментарии к нему заняли бы такой же объем, как сам текст книги. Поэтому мы коротко прокомментировали только основные сюжетные линии и основных персонажей. Если же этой информации вам покажется мало, то вперед — роман-загадка таит в себе еще немало любопытного!

1966 г.

Парижское издание, 1967 г.

1969 г.

1980 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...так кто ж ты, наконец?

*— Я — часть той силы,
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо.*

Гёте. Фауст

Глава 1

НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ

Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах*, появились два гражданина. Первый из них, приблизительно сорокалетний, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, темноволося, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй — плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке — был в ковбойке*, жеваных белых брюках и в черных тапочках.

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его — поэт Иван Николаевич Понырев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым делом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды»*.

* Здесь и далее знаком «*» отмечены ссылки на комментарии.

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо,— никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.

— Дайте нарзану,— попросил Берлиоз.

— Нарзану нету*,— ответила женщина в будочке и почему-то обиделась.

— Пиво есть? — сирым голосом осведомился Бездомный.

— Пиво привезут к вечеру,— ответила женщина.

— А что есть? — спросил Берлиоз.

— Абрикосовая, только теплая,— сказала женщина.

— Ну, давайте, давайте, давайте!..

Абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской. Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем. Кроме того, Берлиоз охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»*

И тут знойный воздух стусился перед ним, и сооткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик*, клетчатый, кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень*, но в плечах узок, худ невероятно, и физиономия, прощу заметить, глумливая.

Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необыкновенным явлениям он не привык. Еще более побледнев, он вытаращил глаза и в смятении подумал: «Этого не может быть!..»

Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо.

Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, мадрево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца.

— Фу ты черт! — воскликнул редактор. — Ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался! Даже что-то вроде галлюцинации было, — он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали.

Однако постепенно он успокоился, обмахнулся платком и, произнеся довольно бодро: «Ну-с, итак...» — повел речь, прерванную питьем абрикосовой.

Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редактора несколько не удовлетворил. Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. И вот теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, — но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф.

Надо заметить, что редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков, например, на знаменитого Филона Александрийского*, на блестяще образованного Иосифа Флавия*, никогда ни словом не упоминавших о существовании Иисуса. Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту, между прочим, и о том, что то место в пятнадцатой

книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых* «Анналов», где говорится о казни Иисуса, — есть не что иное, как позднейшая поддельная вставка.

Поэт, для которого все, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, уставив на него свои бойкие зеленые глаза, и лишь изредка икал, шепотом ругая абрикосовую воду.

— Нет ни одной восточной религии, — говорил Берлиоз, — в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет Бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор...

Высокий тенор Берлиоза разносился в пустынной аллее, и по мере того, как Михаил Александрович забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек, — поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса*, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука*, и даже про менее известного грозного бога Вицлипуцли*, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике.

И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек.

Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй — что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится.

Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой — золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Се-

рый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду — лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом — иностранец.

Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке, в двух шагах от приятелей.

«Немец»,— подумал Берлиоз.

«Англичанин,— подумал Бездомный,— ишь, и не жарко ему в перчатках».

А иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причем заметно стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало.

Он остановил взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки.

— Ты, Иван,— говорил Берлиоз,— очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына Божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов Божиих, как, скажем, фригийский Аттис*, коротко же говоря, ни один из них не рождался и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения и, скажем, прихода волхвов, описал нелепые слухи об этом рождении... А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..

Тут Бездомный сделал попытку прекратить замучившую его икоту, задержав дыхание, отчего икнул мучительнее и громче, и в этот же момент Берлиоз прервал свою речь, потому что иностранец вдруг поднялся и направился к писателям.

Те поглядели на него удивленно.

— Извините меня, пожалуйста,— заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов,— что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться.

«Нет, скорее француз...» — подумал Берлиоз.

«Поляк?...» — подумал Бездомный.

Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли.

— Разрешите мне присесть? — вежливо попросил иностранец, и приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор.

— Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? — спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

— Нет, вы не ослышались,— учтиво ответил Берлиоз,— именно это я и говорил.

— Ах, как интересно! — воскликнул иностранец.

«А какого черта ему надо?» — подумал Бездомный и нахмурился.

— А вы соглашались с вашим собеседником? — осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.

— На все сто! — подтвердил тот, любя выражаться вычурно и фигурально.

— Изумительно! — воскликнул непрошенный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал: — Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в Бога? — Он сделал испуганные глаза и прибавил: — Клянусь, я никому не скажу.

— Да, мы не верим в Бога,— чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз,— но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

— Вы — атеисты?!

— Да, мы — атеисты,— улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»